

ляет два краниологических типа: брахикранный и долихокранный (правда, только на мужских черепах). Сходство ямных и катакомбных черепов прослеживается достаточно четко, и можно согласиться с точкой зрения автора о возможности генетических связей населения ямной культуры с некоторыми группами катакомбной.

Череп срубной культуры отличаются от ямных и катакомбных резкой долихокранностью и большой высотой черепа. Сходное сочетание признаков известно лишь в Приазовье. Однако материал мал, и следует согласиться с А. В. Шевченко, что делать далеко идущие выводы пока рано.

Статьи второй части сборника рассматривают вопросы морфологии и рентгеноантропологии черепа и посткраниального скелета человека. Несомненный интерес представляет статья Ю. Д. Беневоленской «Групповая изменчивость краниометрических корреляций». Изучив характер связей ряда основных диаметров черепной коробки друг с другом и с размерами затылочной области черепа на шести представительных краниологических сериях разных расовых групп, автор приходит к весьма существенным выводам. Оказывается, что величина коэффициентов корреляции между краниологическими признаками и сила связей, в целом стабильная в разных расовых группах, может достигать существенных, статистически достоверных различий при разных соотношениях основных диаметров. Ю. Д. Беневоленская справедливо усматривает в этом определенную закономерность, которую связывает с различием ростовых факторов, особенно наиболее изменяемой затылочной области черепа. Возможность и необходимость использования этих выводов для этнической антропологии несомненна.

Искусственно деформированные черепа представляют интерес как для антропологов, так и для медиков. Рентгенологическому изучению древних искусственно деформированных черепов посвящена статья Н. П. Маклеодовой «Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья».

Новые данные о возрастных и половых особенностях черепа взрослого человека приводит в своей статье М. В. Твардовская. «Возрастные и половые особенности измерительных признаков черепа взрослого человека».

Некоторые признаки, например скуловой диаметр, довольно сильно меняются в разных возрастных группах. Пожалуй, это обстоятельство необходимо учитывать при расовых характеристиках на палеоантропологическом материале, где обычно возрастной состав в сериях взрослых практически не принимается во внимание.

Соотношение объемов клиновидных пазух с наружными размерами черепа — предмет статьи Ю. К. Ревского «К вопросу об определении объемов клиновидных пазух». Полученные данные можно, по мнению автора, применить в практической медицине.

Кости посткраниального скелета человека, к сожалению, реже исследуются антропологами, чем черепа. Причины этому много, но главная — недостаточная разработанность методов применения этих данных для этнической антропологии. Поэтому особенно приятно было увидеть в сборнике статью А. Б. Радзюна «Рентгеноморфологическая характеристика длинных костей конечностей казахов». Путем рентгенологического изучения вариаций внутреннего строения длинных костей автор удаётся выявить некоторые половые и возрастные закономерности, связанные с толщиной компактного слоя кости. Среди большого числа измерительных признаков выделяются наиболее показательные для половой и возрастной диагностики: окружность середины диафиза, вертикальный и поперечный диаметры головки плечевой кости, наибольшая длина и длина в естественном положении бедренной кости и др.

Будем надеяться, что дальнейшая разработка методики исследования, а также накопление и анализ материалов по различным этническим группам позволит автору перейти от половозрастного аспекта исследований к дифференциации по этим признакам расовых и территориальных групп.

Опубликованные в сборнике новые материалы по этнической антропологии и морфологии человека, несомненно, привлекут внимание широкого круга специалистов.

В. И. Богданова

НАРОДЫ СССР

В. В. Воробьев. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975, 260 стр.

Демогеографическая история Восточной Сибири — большой и сложный процесс. Он включает прежде всего непрерывное наращивание численности населения (примерно со 100 тыс. человек к началу XVII в., когда здесь обитали лишь малочисленные автохтонные народы, до 8 млн. человек в наши дни). На протяжении этих столетий

прибывавшие с запада волны русских переселенцев вступали в сложные взаимоотношения с местными народами; менялось расселение последних. С приходом русских в Восточной Сибири появилось ранее практически неизвестное земледелие, расширился круг промышленных производств. Росли города, складывалась сеть транспортных коммуникаций: речные артерии с дополнявшими их волоками сменялись трактами, а затем рельсовыми путями. Все более возрастающим ассортиментом продукции входила Восточная Сибирь в народное хозяйство страны.

Масштабность этих процессов подчеркивается и грандиозностью пространства, на котором они разворачивались — Восточная Сибирь занимает почти треть всей территории нашей страны (7,2 млн. км²).

Население — субъект всех происходивших здесь преобразований. Через демографические, этнические, социально-экономические процессы, протекавшие в этом обширном крае, могут быть легче поняты происходящие здесь сдвиги.

В рецензируемой монографии прослежены этапы формирования и трансформации населения Восточной Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции, создавшие исходную ситуацию и для процессов, происходящих в советское время. «Формирование населения, — пишет автор во «Введении» — это не просто последовательное увеличение его численности, а сложный процесс... в ходе которого население взаимодействует с природой края, осуществляется взаимное влияние коренного населения и пришельцев, а на более поздних стадиях — новоселов и старожилов» (стр. 9). Он справедливо указывает, что «проблема населения для развития восточных районов страны всегда имела первостепенное значение» (стр. 7).

Книга построена по хронологическому принципу. В первой главе рассматривается картина расселения в Восточной Сибири до прихода сюда русских (в основном автор опирается на труды Б. О. Долгих, воспроизводя его известную карту 1956 г. «Этнические группы коренного населения Сибири в XVII в.»). Затем выявляется пространственный ход первоначальных этапов заселения края русскими и процессы формирования основных групп русского населения, осваивавших край еще в XVII в.

Во второй главе анализируются динамика численности и особенности хозяйственной жизни населения (в основном пришлого, русского) в XVIII и первой половине XIX в.

В третьей главе рассмотрены изменения в численности, структуре и размещении населения во второй половине XIX и начале XX в. (вплоть до социалистической революции).

По поводу этой периодизации заметим следующее. Автор удачно совместил в ней этапы общероссийской истории с событиями, игравшими решающую роль на территории Восточной Сибири (выделение этапа первоначального проникновения русских и освоения ими края, так сказать, «начерно»). Однако можно было бы дать и более дробную периодизацию, исходя уже из локальных вех, важных для хода формирования населения края; например, таких, как проникновение в Восточную Сибирь железной дороги¹ или процесс «сползания» в XVIII в. широтных связей к югу, замена водно-волоковых коммуникаций постепенно складывавшимся сухопутным трактом и его заселение специально переселявшимися для «ямской гоньбы» крестьянами (это явление периодизация В. В. Воробьева не отражает).

На протяжении всей книги Восточная Сибирь рассматривается в ее «традиционном» территориальном составе, т. е. с включением и Якутии (вопреки принятому сейчас официальному районированию). Это представляется совершенно правильным. Отнесение Якутии — этой «самой континентальной» части Сибири — к «самому океаническому» району нашей страны — Дальнему Востоку было обусловлено лишь условиями удобства планирования и управления и вызвало справедливые возражения географов. Особенно оправдан «возврат» Якутии в состав Восточной Сибири в контексте того историко-географического анализа, который проведен в книге.

Главными линиями исследования В. В. Воробьева являются: рассмотрение взаимоотношений аборигенного и пришлого населения (и в связи с этим судьб коренных сибирских народов); анализ соотношения на разных этапах в общем увеличении населения миграционного притока, с одной стороны, и естественного прироста — с другой; выявление региональных особенностей процессов формирования населения. Последняя линия дала повод наметить (в главах II и III) специальные схемы районирования, сделанного в соответствии с характером географии населения в определенные исторические периоды, и наметить в этих главах как бы серии небольших региональных очерков о ходе формирования населения, что намного повышает предметность всей монографии.

Попутно затрагивается много более частных вопросов (например, о последствиях для роста населения ссылки; здесь автор приходит к правильному выводу о весьма малом ее значении). По соображениям экономии места нет возможности даже перечислить эти попутные с точки зрения всего замысла книги сюжеты.

В. В. Воробьев поддерживает позицию исследователей, оспаривающих бытующие представления о «вымирании» коренных народов Восточной Сибири в дореволюцион-

¹ Этот материал автор частично осветил в небольшом разделе «Железная дорога и ее влияние на рост населения», III гл.

ное время. Он полагает, что собранные им статистические данные «решительно опровергают теорию массового вымирания инородцев... Факт уменьшения численности отдельных этнографических групп бесспорен» (стр. 196), но Воробьев показывает, что нередко это было связано с передвижками части коренного населения, отдельных народов или этнографических групп. При низком в целом приросте численности коренных народов между ними в отношении естественного прироста велики были различия. Устойчивее всего оказался прирост (правда с современной точки зрения — невысокий) у якутов и бурятов, быстро перенявших у русских более передовые (по тем временам и в тех условиях) приемы ведения хозяйства. Неустойчивое положение было характерно для народов, обитавших в лесотундре и тундре; здесь частыми были голодовки. Знаменательно, например, что численность юкагиров с XVII по XIX в. сократилась с 5 до 1,5 тыс. чел. (стр. 100). Таким образом, автор полемизирует с «теорией вымирания» лишь по отношению к нерусскому населению Восточной Сибири в целом. Среднегодовой его прирост он исчисляет для XVIII — первой половины XIX в. в 8,8—8,9 для 1860—1897 гг. в 6,3 человек на 1000 жителей; такой низкий средний уровень прироста помогает понять, почему для отдельных периодов и этнических общностей налицо бывала и абсолютная убыль (стр. 195 и др.).

Для анализа взаимосвязей аборигенов и русских переселенцев, помимо статистических и ведомственных материалов широко использованы труды многих видных этнографов: И. С. Гурвича, С. А. Токарева, Л. П. Потапова, С. К. Патканова и др., а также описания многих ученых.

Думается, что полемизируя со сторонниками «теории вымирания» В. В. Воробьев мог бы подробнее написать о последствиях нарушения традиционных форм хозяйства малых сибирских народов (особенно в тундре), проявившегося с особой силой по мере проникновения эксплуататорских капиталистических отношений в отдаленные уголки Сибири. Кризис этот был преодолен лишь после победы социалистической революции.

Большую ценность представляет детальный исторический анализ естественного движения русского населения. Так как у нас есть достаточно надежные данные об общей его динамике, выяснение темпов естественного прироста на разных этапах позволяет сделать важные уточнения объема миграционного притока. Анализ динамики естественного движения населения на протяжении всего исследованного периода стал как бы вставным историко-демографическим этюдом. Для выявления показателей рождаемости и смертности русского населения были подняты данные церковно-приходской статистики, установлены различные поправочные коэффициенты на недоучет и т. п. Это «вставное исследование» подтвердило установленную еще В. К. Яцунским существенную закономерность повышенного естественного прироста населения на колонизируемых окраинах, что заставляет осторожнее оценивать механический приток на них переселенцев². Интересно заметить, что концепцию эту недавно для Западной Сибири убедительно развил омский историк А. Д. Колесников³; сейчас к тем же выводам на материале Восточной Сибири пришел В. В. Воробьев.

В период первоначального заселения русскими Восточной Сибири, в XVII в., механический приток, естественно, был основным источником увеличения здесь численности русского населения («от нуля» до примерно 165 тыс. человек). Положение существенно меняется в XVIII в.: теперь уже 60—75% общего увеличения русского населения приходится на естественный прирост. В первой половине XIX в. доля эта падает до 65—78%. В 1860—1897 гг., несмотря на возросшую с отменой крепостного права подвижность крестьян, дававших основную массу переселенцев, миграции были источником лишь 1/3 прироста населения, и даже в период наибольшего подъема переселенческого движения — в 1897—1917 гг.⁴ только 42% (стр. 251—253). Обоснование этих цифр — важная сторона монографии Воробьева.

Не меньшее значение имеет и то, что для каждого исторического этапа автор выделил регионы с характерными особенностями формирования населения (соотношение численности нерусского и русского населения, темпы прироста того и другого, черты расселения, специфика занятий и т. п.).

Перед нами фундаментальный историко-демографический труд. Автор поднял огромный статистический, ведомственный и литературный материал (более 1000 названий); при этом он умело использовал уже имеющиеся обзорные работы (которых оказалось немало); таким образом, с историографической стороны рецензируемая книга —

² См. В. К. Яцунский, Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России. «Историческая география России», «Вопросы географии», сб. 83, М., 1970.

³ А. Д. Колесников, Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII—XIX вв., в кн. «Освоение Сибири в эпоху феодализма», Новосибирск, 1968.

⁴ Одним из достоинств книги является то, что в ней обстоятельно использована перепись 1917 г., мимо которой исследователи часто проходят (редкое исключение — работа Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузана, Т. Ф. Кузьмина «О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» — «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 71), ограничиваясь данными на 1913 г. Эта перепись (сельскохозяйственная, но дающая и широкие демографические сведения) на территории Восточной Сибири была проведена обстоятельно и данные ее надежны.

«сводка сводок», что повышает ее обобщающее значение. Кроме того, очень ценно также, что В. В. Воробьев ввел в работу не публиковавшиеся ранее архивные материалы. Чаще всего архивные материалы, например церковноприходского учета, привлекаются для уточнения уровня рождаемости и смертности.

В большой работе неизбежны отдельные огрехи, но в рецензируемой книге их немало. Обычно это скорее редакционные погрешности или описки. Например, на стр. 99 текст сформулирован так, словно автор недостаточно четко различает собирательское и охотничье хозяйство. На стр. 62 приведены следующие цифры: рождаемость 50,6‰, смертность 38,0‰, естественный прирост 14,6‰. Очевидно, что это невозможное сочетание, в одну из этих цифр вкралась описка или опечатка. Рецензент огорчился, увидев в сноске на стр. 167 неправильное название своей книги «Переселение в Сибирь» вместо «Заселение Сибири» (в других местах ссылки на нее даны правильно). Но нет смысла останавливаться на подобных мелочах.

Книга В. В. Воробьева — ценный подарок историкам, демографам, этнографам, географам, и, конечно, сибироведам всех специальностей. Обидно, что широкое использование ее, возможно, будет затруднено из-за малого тиража: всего 1200 экз. Ведь это значит, что, если книга будет распространяться только среди жителей Восточной Сибири, приобрести ее сможет лишь один сибиряк из восьми тысяч!

В. В. Покшишевский

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. II — Забайкалье. Новосибирск, 1975, 149 стр., прилож.

Рецензируемая работа, опубликованная Сибирским отделением издательства «Наука», вторая часть двухтомника «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири»¹.

Изучению локальных групп русского населения в настоящее время уделяется все большее внимание. Сложные вопросы формирования культуры русского народа, переселившегося в Сибирь из различных губерний Европейской части страны, решаются совместными усилиями специалистов научных учреждений Москвы и Новосибирска. В создании рецензируемой книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии АН СССР, Института истории искусств Министерства культуры СССР, и Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Книга «Забайкалье» как и «Приангарье» написана, в основном, на полевых материалах, собранных в конце 50-х — начале 60-х гг. в Бурятской АССР и Читинской области.

Особенность и несомненные достоинства книги заключаются в том, что затронутые в ней проблемы рассмотрены в широкой исторической перспективе: от первых поселений человека до современности. Комплексное изучение региона археологами, этнографами, историками, фольклористами, искусствоведами и музыковедами дало возможность осветить различные стороны культуры и быта населения.

Книга открывается статьей крупнейшего знатока палеолита Сибири академика А. П. Окладникова «Древнее Забайкалье». Автор живо и ярко пишет о своеобразных природных условиях долины р. Селенги, благоприятствовавших раннему заселению этой местности человеком. На обширном археологическом материале прослеживаются черты, роднящие культуру древних насельников Забайкалья с племенами Центральной и Средней Азии, Урала. «Забайкалье, — заключает автор, — на протяжении тысячелетий было поэтому местом, где причудливо скрещивались и находились в сложном взаимодействии в корне различные по происхождению племена и народы, в том числе не только сибирские и центральноазиатские, но и дальневосточные» (стр. 7).

Сложность путей формирования местного населения и его широкие контакты с другими народами прослеживаются и при описании культуры русских сибиряков.

И. В. Власова на основе литературных и архивных источников показывает процесс заселения края русскими. В конце XVII — начале XVIII в. здесь появились военно-служилые люди, а вслед за ними принудительные и добровольные поселенцы. В середине XVIII в. в Забайкалье были сосланы семьи старообрядцев («семейские») из западных губерний страны. В результате этих переселений к концу XVIII в. сложились две основные группы русских старожилов — «семейские» и «сибиряки» и среди последних забайкальские казаки. Автор показывает, что возникновение на раннем этапе селений «военного характера» (станции, слободы), а затем земледельческого (села, деревни и пр.) было связано с историей заселения края. Села и деревни располагались обычно вблизи удобных для пахоты земель, что обусловило неравномерную плотность заселения территории. Размеры поселений и их тип зависели от форм землепользования и общественных отношений.

Однако одним выяснением путей заселения и особенностей формирования населения невозможно ответить на вопросы об истоках народной культуры и ее развития.

¹ Первая часть двухтомника — «Приангарье» издана также в Новосибирске в 1971 г.